

«На карту женской любви» или спор, которого не было

И.С.Тургенев – мастер изображения полемики. «Отцы и дети» в этом отношении – образец полемического романа. Этим обстоятельством издавна пользуется школьная программа: практически всё время изучения тургеневского шедевра посвящается разбору полемических баталий Базарова с Павлом Петровичем Кирсановым. О чём только не спорят герои: о религии и науке, о русском народе и аристократии, искусстве и цивилизации. Не спорят только о любви, хотя оба в свой час (где-то около 27 лет) сталкиваются с «роковой женщиной», способной перевернуть жизнь человека, переломить его судьбу.

Светский лев, офицер, Павел Петрович Кирсанов, охваченный страстью к княгине Р., бросает службу и, поставив свою жизнь «на карту женской любви», стремительно движется к духовному омертвлению (недаром Тургенев, редко прибегающий к прямым характеристикам в обрисовке персонажей, пишет о живом еще Павле Петровиче: «Да он и был мертвец»).

Честно сказать, из текста, посвященного обрисовке характера княгини Р. (а это две страницы романа), совершенно непонятно, чем могла она могла покорить этого красивого, сильного, умного мужчину. Создается впечатление, что княгиня Р. Прямоком попала сюда из романов Достоевского, этакая изломанная дама с психопатическим уклоном. О таких в старину говорили «одержимая бесом». Эти ее игры с Псалтырью по ночам, крест, перечеркнувший сфинкса на камне подаренного кольца... Какая-то дурная мистика.

Тем не менее опыт общения с роковой дамой поселил в Павле Петровиче многолетнюю депрессию и отвращение к жизни. Но даже ее смерть не избавила несчастного от фантома «роковой любви», которую он обретает в ...но обратимся к другому персонажу – Базарову. Именно ему принадлежит фраза из разговора:

– А я всё-таки скажу, что человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, этаким человек – не мужчина, не самец.

О Базарове сказано Тургеневым, что он «был великий охотник до женщин и до женской красоты». Стало быть, любовный опыт герой имел. Какой? Видимо, соответствующий его взглядам на жизнь, то есть достаточно свободный для того времени. Вспомним, как он реагирует на известие о том, что Николай Петрович Кирсанов – отец маленького Мити: «А он мне нравится, твой отец, ей-ей! Он молодец».

Характерно и его отношение к Фенечке: «Мне нравится в ней то, что она не слишком конфузится. Иной, пожалуй, это-то и осудил бы в ней. Что за вздор? чего конфузиться? Она мать – ну и права».

Хотя сожителство молодой женщины с Николаем Петровичем моралью, господствующей в тогдашнем обществе, осуждалось церковью и людьми, именовалось блудным. И только Фенечка с ее подчеркнутой недалекостью могла жить, не ощущая никаких угрызений совести и мило улыбаясь окружающим.

Впервые увидев Одинцову на балу у губернатора, Базаров в разговоре о ней с Аркадием еще употребляет привычные для него определения: «Это что за фигура?.. На остальных баб не похожа».

Но с первого же разговора с ней в гостинице меняет тон, поняв, что столкнулся с личностью, равной ему по уровню: «Часа три с лишком длилась беседа, неторопливая, разнообразная и живая».

Именно духовные качества Одинцовой пробуждают в герое чувство уважения, а затем любви: ее ум, самостоятельность, подчеркнутая демократичность в общении, смелость и великодушные. Недаром, прощаясь с ней, произносит он это слово: «Великодушная!».

Базаров смотрит на предмет своей любви без розовых очков, судит об Одинцовой прямо и верно, не боится сказать ей правду в лицо. Его признание в любви поражает своей безысходностью. Ведь о союзе типа брачного речь вообще не идет. Да и что ждало бы его, если бы Одинцова бросилась в его объятия? Бурный недолгий роман с неизбежным расставанием? И все-таки он признается, и какое-то время надеется на что-то, приезжая к Одинцовой под видом «одумавшегося». Но в отличие от Павла Петровича, на роль любовника из милости не соглашается наотрез. «На карту женской любви» жизнь свою ставить он не намерен.

Тургенев не был бы Тургеневым, если бы не доказал губительную силу женского очарования даже на судьбе такого «титана», как Базаров. Базаров умирает, но не духовно, как Павел Петрович, а физически, надломленный, но не сломленный. Недаром Писарев сказал о нем, что умереть так, как умер Базаров, все равно что совершить подвиг. Его последняя встреча с любимой женщиной – шедевр тургеневской прозы. Какая сила духа, какая нежность, какое нравственное превосходство! Сравните с унижительным выпрашиванием любви, которому предается раненый Павел Петрович в разговоре с Фенечкой. Жалость, которую естественно ощущаешь к человеку, никем не любимому, поневоле приобретает оттенок презрения. Особенно если внимательно взглянуть на предмет любви. На Фенечку.

Это удивительный для Тургенева образ, прежде всего потому, что писатель очень редко, почти исключительно в «мещанских» рассказах типа «Петушкова», изображал глупых женщин. Он предпочитал умных. Фенечка же глупа до тупости. У нее незаконный ребенок – и ни малейшей печали о его будущем. Цветет себе, как роза в саду. Одно описание ее комнаты-пристанища в семье Кирсановых (с незабываемым «Кружовником») способно свести скулы то ли от зевоты, то ли от смеха.

Судьба Фенечки печальна. Мещаночка, дочь вдовы, никогда ничему не учившаяся, миленькая, но как-то по-кукольному («красные, детски пухлявенькие губки, нежные ручки»), но в то же время не заботящаяся о большей привлекательности («ходила немножко вразвалку»). Оставшись сиротой, она вполне могла пойти по дорожке Катюши Масловой из «Воскресения» Льва Толстого, если бы не мужской интерес к ее персоне со стороны Николая Петровича.

Ни одним словом Тургенев не дает понять, что Николай Петрович полюбил Фенечку: «...она была так молода, так одинока, Николай Петрович был сам такой добрый и скромный...Остальное досказывать нечего...»

Типичная иллюстрация к формуле «они сошлись». Мы видим, что Николай Петрович по-прежнему любит свою умершую жену и не допускает «даже возможности сравнения между женой и Фенечкой», хотя сам чувствует «следы барства» в отношении ее. Он сам себя убедил, что причина, по которой он не женится на Фенечке, – Павел Петрович, боязнь обидеть сословные амбиции брата. Смешно! Николай Петрович не

спрашивал ни брата, ни родителей, когда женился на дочери чиновника, «миловидной, развитой девице, читавшей серьезные статьи в разделе «Наук».

Не верится и в любовь Фенечки к Николаю Петровичу. В изображении писателя он «совсем седой, пухленький, немного сгорбленный, хроменький» - на героя романа не тянет, особенно для молоденькой девушки. «Любовь» Фенечки к Николаю Петровичу – просто благодарность за то, что он дал ей приют после смерти матери, безопасный, как ей кажется.

И вот эта глупенькая барышня становится фантомом «роковой любви» для номинального деверя, Павла Петровича, и что еще занимательней, для Базарова, а также стержнем действия нескольких глав, посвященных их разборке в любовных претензиях к ее персоне. Это, конечно, фарс, но фарс остроумный.

Отношения Павла Петровича и Фенечки строятся по наезженной схеме «роковой страсти»: преследование предмета (безмолвное, но всё же), ревность, поединок, объяснение у ложа «раненого рыцаря». Фарсовость ситуации Павлом Петровичем не ощущается. Ему невдомек, что «роковая любовь» при недостатке сопротивления страдающей стороны неизменно обращается в «ложь и пошлость» (Тургенев неоднократно изображал это в своих романах и повестях).

Павел Петрович после рокового романа с княгиней Р. давно пребывает в пошлости, потому что не живет, а существует. Это его утонченное сибаритство, ухаживание за своей внешностью, этот сословный снобизм, не позволяющий пожать руку человеку ниже себя по происхождению, этот надушенный платок, которым он прикрывает лицо, общаясь с крестьянами... И наконец, тайное обожание Фенечки (предмет достойный, надо признать!), надежда на ее ответное чувство, которого не может быть в принципе, потому что это поставило бы участников «любовного треугольника» в совсем уже анекдотическую ситуацию. Тем не менее Павел Петрович уезжает из поместья только окончательно убедившись в нерушимости верности Фенечки брату. «Ах, как я люблю это пустое существо!.. Я не потерплю, чтобы какой-нибудь наглец посмел коснуться...» - бормочет раненый Павел Петрович в горячечном бреде. Совсем как у Пушкина:

Он мыслит: «Буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек...

Только если взглянуть на вещи здраво, «развратителем» «младого сердца» года два назад выступил милейший Николай Петрович. А вот «коснулся» Фенечки, правда, всего лишь поцелуем, действительно, «червь презренный, ядовитый», по убеждению Павла Петровича, – Базаров.

Сцену искушения Фенечки Базаровым в беседке вразумительно не истолковал еще ни один из учителей или критиков. Бормочут что-то вроде того, что Базаров, де, в отношении Фенечки «куда гуманнее», чем братья Кирсановы. Хотелось бы спросить, в чём, хотя это и не важно, потому что поведение «большого охотника до женщин», то есть Базарова, понятно и объяснимо для любого мужчины, особенно для того, кто испытал мучения неразделенной любви к умной сильной женщине. Там с тобой играют как кошка с

мышью. А тут под рукой – милая простушка, свежая, как цветы, которые она перебирает. Отвлечься, отдохнуть от сложностей – вот и вся причина, к чести или не к чести она герою. Это уж кто как решит.

Бедному Павлу Петровичу, ставшему свидетелем финальной сцены в беседке, не суждено узнать, что невинная простушка, ведомая женским инстинктом, является здесь скорее возвращающей стороной. Понять ее нетрудно и осудить нельзя. Сирота, буквально подобранная Николаем Петровичем после смерти матери, она золотые годы юности живет в окружении мужчин, по возрасту годящихся ей в отцы. Никто не назначал ей свиданий в соловьиной роще, не говорил комплиментов, не дарил цветов, не вздыхал с ней при луне. Ей вообще непривычна мужская ласка. Вот Николай Петрович неожиданно целует ей руку:

– Николай Петрович! что вы это? – пролепетала она и опустила глаза, потом тихонько подняла их... Прелестно было выражение ее глаз, когда она глядела как бы исподлобья да посмеивалась ласково и немножко глупо.

Да что там говорить о ласке! Сцене в беседке Тургенев предпосылает лирический пассаж, в котором рисует расцвет женской красоты Фенечки: «Фенечка хорошела с каждым днем. Бывает эпоха в жизни женщин, когда они вдруг начинают расцветать и распускаться, как летние розы... Жара, от которой она не могла уберечься, слегка румянила ее щеки и уши и, вливая тихую лень во все ее тело, отражалась дремотною скромностью в ее хорошеньких глазах...она едва ходила и все охала да жаловалась с забавным бессилием».

И как реагирует на это Николай Петрович: «Ты бы чаще купалась», - говорит он. Очень поэтично! Добавим, что в доме Фенечка на положении незаконной сожительницы, поэтому всем слугам говорит «вы».

И вот в доме появляются молодые люди, свободные, веселые. Базаров еще свой по происхождению, поэтому ей легко с ним, в отличие от Николая Петровича, по отношению к которому она – домашняя рабыня, и от Павла Петровича, донимающего ее мрачными страдающими взглядами.

Раскачивая ситуацию, Базаров в беседке забрасывает ее пошлыми комплиментами, на какие никогда не решился бы в разговоре с Одинцовой, потому что прекрасно видит, кто перед ним. Фенечке это приятно, и она сама переходит в наступление фразой, надеясь на новые:

– Какой вы! – промолвила она, перебирая пальцами по цветам. – И что вам меня слушать? Вы с такими умными дамами разговор имели.

– Эх, Федосья Николаевна! поверьте мне: все умные дамы на свете не стоят вашего локотка.

Вот тут-то бы и остановиться. Но как отказать себе в удовольствии быть хвалимой, да еще человеком, который нравится? Два-три раза можно было благополучно закончить беседу, встав и отправившись в дом. Но пустая болтовня длится, длится уже по накатанной дорожке, и только поцелуй, который, кстати, Базарову «удалось продлить», приводит маленькую женщину в чувство.

Недалекость Фенечки проявляется и в том, что она абсолютно искреннее считает себя не виноватой: «Грешно вам!» - это в адрес Базарова. «А в чем же я тут виновата?» - это Павлу Петровичу. Кукла, кукла и есть. Она всегда ни в чем не виновата, даже на собственной свадьбе сидит с таким видом: «В свежем шелковом платье, с широкою

бархатною наколкой на волосах, золотую цепочкой на шее, она сидела почтительно неподвижно, почтительно к самой себе, ко всему, что ее окружало, и так улыбалась, как будто хотела сказать: «Вы меня извините, я не виновата». Так и вспоминается фраза из известной кинокомедии Гайдая.

Базаров вполне трезво оценивает как создавшуюся ситуацию, поздравляя себя «с формальным поступлением в селадоны», так и положение Фенечки: «Пропадет, пожалуй! – сказал он про себя. – Ну, выдерется как-нибудь!»

Он же первым в романе точно определяет отношение Павла Петровича к проблеме: «Ба! Да не влюблен ли он сам? Разумеется, влюблен; это ясно, как день».

Оба героя в конечном итоге избавляются от карикатурного фантома роковой любви. Но Павел Петрович уходит в духовное омертвение, а Базаров – в деятельность и физическую гибель. Гибнет он так благородно, прощается с любовью так трагически прекрасно, что образ его навсегда запечатлевается в памяти как образ истинного мужества. И спор о любви, спор, которого не было, разрешается в его пользу.

Читая последние страницы романа, я стараюсь не проникаться элегичностью эпилога о старичках-родителях, посещающих могилу рано умершего сына. У меня есть свой любимый эпизод. На двойной свадьбе Кирсановых, не упоминающих о Базарове, старательно забывших этого возмутителя спокойствия, одна душа, самая таинственная, деятельная и умная, помнит о нем, хотя девушка на собственной свадьбе не способна ни о чем думать, кроме того, что творится с нею в данный момент. Катя Одинцова, чистая, умная, небогатая, не слишком, как всегда у Тургенева, красивая, в общем, истинная «тургеневская девушка», о которой Базаров был всегда очень высокого мнения, которая сама решает свою судьбу и будущее которой отнюдь не так ясно, как будущее ее сестры и недалекой Фенечки, тайно произносит тост за Базарова:

– В память Базарова, – шепнула Катя на ухо своему мужу и чокнулась с ним. Аркадий в ответ пожал ей крепко руку, но не решился громко предложить этот тост.

Я надеюсь на нее, как надеялся когда-то Евгений Васильевич Базаров: «...ты ведь, вероятно, помнишь, какого я всегда был мнения о Катерине Сергеевне. Иная барышня только оттого и слывет умною, что умно вздыхает, а твоя за себя постоит, да и так постоит, что и тебя в руки заберет, – ну, да это так и следует».

На этом и закончим путешествие по тургеневским страницам.

Вера Николаевна Тумарь,
главный библиотекарь МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина
г. Нижнего Новгорода